

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Кузнецов О. Ю.,
преподаватель МЮИ,
к.и.н.

Уголовно-процессуальный закон (ст. 59 УПК РФ) определяет переводчика как самостоятельного участника уголовного процесса. Одновременно он относит переводчика, наряду со специалистом, экспертом, понятым и свидетелем, к числу «иных участников уголовного судопроизводства» (гл. 8 УПК РФ), участие которых в разбирательстве по конкретному делу не является обязательным и зависит от влияния обстоятельств, непосредственно не связанных с предметом уголовного преследования и осуществления правосудия. Факультативный характер участия переводчика в уголовном судопроизводстве предопределен влиянием на порядок осуществления и содержание процессуальных действий субъективного фактора – лингвистической некомпетентности одного или нескольких обязательных участников производства по делу в языке судопроизводства, точнее, в языке, на котором оно осуществляется в рамках конкретного дела. Основным правовым механизмом, обеспечивающим соблюдение прав этой категории лиц, является реализация в практической деятельности правоохранительных органов принципа языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ). Поэтому, на наш взгляд, переводчик должен рассматриваться как субъект уголовно-процессуальных правоотношений, который своим непосредственным участием в производстве обеспечивает права участников разбирательства по делу, а также интересы правосудия.

Будучи субъектом уголовного процесса, в непосредственной деятельности которого в правоохранительной практике реализуется принцип языка судопроизводства, переводчик обладает универсальной (в смысле – всеобщей и всеобъемлющей) функциональной детерминированностью своего статуса. Так, осуществляя перевод материалов предварительного

расследования на родной язык участника разбирательства по делу, не владеющего языком судопроизводства (например, различного рода постановлений следователя или равных с ним по процессуальному статусу должностных лиц органов охраны правопорядка), он исполняет функцию следствия. Переводя показания подследственного (обвиняемого, подсудимого) и осуществляя контроль за точностью материальной фиксации его слов и их перевода в процессуальных документах (например, в протоколе допроса на предварительном следствии или в судебном заседании), переводчик реализует функцию защиты. Выполняя перевод судебных решений (приговора или определения суда) на родной язык подсудимого, он опосредованно осуществляет функцию правосудия¹. Таким образом, принимая участие во всех стадиях уголовного судопроизводства и реализуя при этом абсолютно все процессуальные функции, переводчик обязан имманентно обладать особой правосубъектностью, позволяющей ему быть самостоятельным и самодостаточным участником разбирательства по конкретному делу.

Определению и законодательному закреплению правосубъектности переводчика в уголовном процессе посвящена ст. 59 УПК РФ, в которой законодателем определены его правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Кроме того, правовое положение переводчика в процессе уголовного судопроизводства регламентировано рядом международно-правовых документов: Рекомендацией о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков, принятой 22 ноября 1976 года на XIX Генеральной конференции ЮНЕСКО в г. Найроби (так называемые «Рекомендации Найроби»)², и Хартией переводчиков, одобренной 30 сентября 1963 года

¹ Впервые на эту особенность содержания процессуального статуса переводчика обратил внимание Джафаркулиев М. А. См.: Джафаркулиев М. А. Язык судопроизводства в многонациональном государстве. – М.: Вердикт, 1992. – С. 127.

² См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII: Действующие договоры, соглашения

Конгрессом Международной Федерации переводчиков (ФИТ) в г. Дубровник, с изменениями от 9 июля 1999 года, внесенными Конгрессом Федерации в г. Осло (ФИТ является международной неправительственной организацией, имеющей статус ассоциированного члена ЮНЕСКО, а поэтому ее документы, не будучи актами международного права, имеют международную юрисдикцию). Российская Федерация в числе еще 146 стран – участниц ЮНЕСКО парафировала эти документы, а поэтому они в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью ее правовой системы.

Под правосубъектностью в теории права, как известно, традиционно понимается признаваемая государством способность быть субъектом права. Фактически, правосубъектность определяет юридический статус участника правоотношений в системе норм и правил социальной коммуникации. Правосубъектность переводчика в системе уголовно-процессуальных отношений определена в ч. 1 ст. 59 УПК РФ, в которой говорится: «Переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода». Очевидно, что в контексте уголовно-процессуального закона термином «лицо» определяется исключительно физическое, а не юридическое лицо в самой широкой юридической трактовке этого понятия, т. е. индивидуальный субъект права. Как известно, в теории права индивидуальным субъектом называют лицо, которое признается способным вступать в правоотношения или в качестве гражданина, или в качестве носителя определенных социальных функций, связанных с его функцией в коллективном общественном образовании³, т. е. социуме. Применительно к теме нашего исследования под переводчиком здесь и далее мы будем понимать субъект судопроизводства, который в своей

и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1977 г. – М.: Международные отношения, 1979. – С. 8–11.

³ Иоффе О. С., Шаргородский М. Л. Вопросы теории права. – М.: Наука, 1962. – С. 206–207; Спиридонов Л. И. Теория государства и права. – М.: Проспект, 1996. – С. 184.

практической деятельности реализует процессуально детерминированные социальные функции, установленные непосредственно законом.

Такое наше понимание юридического статуса переводчика в уголовном процессе исходит из содержания международно-правовых норм, а не приведенного выше положения УПК РФ, который при определении правосубъектности переводчика входит в логическое противоречие с ними. Так, например, согласно п. 1b Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков и п. 1 Хартии переводчиков термином «переводчик» обозначается лицо, которое в практической деятельности самостоятельно и непосредственно осуществляет перевод текстов с одного языка на другой, а не то лицо, которое способно это сделать, исходя из субъективных лингвистических познаний. Иными словами, международно-правовой статус переводчика базируется на его активной профессиональной деятельности, а не на лингвистических знаниях, умениях и навыках, позволяющих заниматься такой деятельностью в принципе. Исходя из буквального прочтения нормы ч. 1 ст. 59 УПК РФ, переводчик – субъект уголовного судопроизводства, в силу своих субъективных качеств, в том числе языковых познаний, способный осуществлять перевод, но не реализующий эту способность в практической деятельности, по крайней мере, вне решения задач следственного и судебного производства по конкретному делу. Поэтому лингвистические навыки переводчика, объективно являющиеся составной частью его правосубъектности как элемент его правоспособности, рассматриваются законодателем как гипотетические или виртуальные, но никак не практические, что существенно уменьшает ценность этой юридической дефиниции УПК РФ. Поэтому формулировка правосубъектности (статуса) переводчика в уголовном процессе, на наш взгляд, нуждается в корректировке, которая бы отражала активное или, как вариант, позитивное начало в его процессуальной деятельности.

Кроме того, приведенное выше законодательное определение статуса переводчика в полной мере не отражает содержания его правосубъектности как участника судопроизводства, понимание которого сложилось в отечественном законодательстве и практике судебной деятельности. Например, п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК РФ исключает для судьи, прокурора, следователя и дознавателя, т. е. всей совокупности должностных лиц стороны обвинения, возможность участвовать в производстве по делу, если они ранее в ходе процесса исполняли обязанности переводчика (равно как и любого иного участника судопроизводства). В соответствии с этим положением, присутствовавшим еще в советском уголовно-процессуальном законе, судебная практика позиционирует переводчика не только как самостоятельного, но и процессуально независимого субъекта. Об этом свидетельствует, в частности, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 17 декабря 1952 года, в котором указано, что «нельзя совмещать в одном лице обязанности судьи и переводчика, процессуальное положение которых различно»⁴. На факт процессуальной самостоятельности и самодостаточности переводчика указывает также определение Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 16 декабря 1953 года, согласно которому переводчиком не может быть лицо, которое «допрашивалось по тому же делу в качестве свидетеля»⁵. Кроме того, согласно определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 20 июня 1979 года существенным нарушением уголовно-процессуального закона признается совмещение одним лицом функций

⁴ Совмещение в одном лице обязанностей судьи и переводчика недопустимо. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 27 декабря 1952 г. по делу Данкова и Прегузы // Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946–1962 / Под ред. Л. Н. Смирнова. – М.: Юридическая литература, 1964. – С. 18.

⁵ Суд не может принять к производству дело, по которому на предварительном следствии было нарушено требование закона об участии переводчика, а также право обвиняемого давать показания на своем родном языке. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 декабря 1953 г. по делу Кивиля // Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946–1962. – С. 20.

следователя и переводчика⁶. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в рамках разбирательства по конкретному делу функции переводчика не может исполнять не только субъект судопроизводства, представляющий сторону обвинения или защиты, но и любой другой участник уголовного процесса, наделенный в материалах дела иным статусом (например: эксперт, специалист и понятой). Поэтому, на наш взгляд, переводчика следует рассматривать как процессуально независимого участника судопроизводства, в своей деятельности подчиняющегося только закону и исполняющего свои обязанности в соответствии с его предписаниями и (подобно следователю) собственным внутренним убеждением.

Еще одной качественной характеристикой правосубъектности переводчика в уголовном процессе является его субъективная беспристрастность, т. е. личная незаинтересованность в результатах разбирательства по делу¹. Такое наше понимание исходит из того, что он способен повлиять на ход и содержание следственного и судебного производства не только качеством (т. е. точностью и ситуационной адекватностью) перевода, но и своим эмоциональным отношением к содержанию дела (например, когда состав преступления затрагивает религиозные чувства переводчика). В этих условиях субъективная заинтересованность может быть интерпретирована как объективный фактор, влияющий не только на характер и содержание процессуальных действий, осуществляющихся с участием переводчика, но и на законность при осуществлении уголовного судопроизводства в целом. Поэтому влияние

⁶ Следователь не может проводить расследование преступления, одновременно участвуя в деле в качестве переводчика. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1979 г. по делу Андреева // БВС РСФСР. – 1980, № 1. – С. 10.

¹ Ранее об этом писали Р. Д. Рахунов, М. Ю. Рагинский, И. Л. Петрухин, М. А. Джафаркулиев и др. См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Юридическая литература, 1961. – С. 268; Рагинский М. Ю. Научно-практический комментарий УПК РСФСР. – М.: Юридическая литература, 1970. – С. 87; Петрухин И. Л. Принцип национального языка судопроизводства в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. – 1972, № 2. – С. 61; Джафаркулиев М. А. Язык судопроизводства в многонациональном государстве. – С. 107–108.

субъективного фактора личной заинтересованности переводчика должно быть исключено не только в практике деятельности правоохранительных органов, осуществляющих дознание или предварительное следствие, но и в законодательстве, иначе возможность отвода переводчика как личности из процесса уголовного судопроизводства по делу, т. е. прекращение правосубъектности лица, участвующего в производстве по делу в данном процессуальном качестве, не будет нормативно увязана с его юридическим статусом. Сегодня уголовно-процессуальный закон при определении правосубъектности переводчика не содержит положений, прямо устанавливающих обязательность его субъективной незаинтересованности в результатах производства по делу (он делает это опосредованно через норму п. 2 ст. 69 УПК РФ), и поэтому, на наш взгляд, назрела необходимость в изменении содержания соответствующей статьи УПК РФ.

Важнейшим условием возможности осуществления перевода содержания процессуальных действий и документов является свободное владение лицом, привлекаемым к разбирательству по делу в качестве переводчика, как минимум, двумя языками – языком судопроизводства (как правило, русским языком) и родным языком участника уголовного процесса, не владеющего языком судопроизводства (равно как иным языком, который он свободно избрал для общения в рамках предварительного расследования). Таким образом, билингвизм, т. е. двуязычие переводчика, является не просто важнейшим качественным условием, соответствие которому может быть субъективным основанием для его привлечения к участию в уголовном процессе (т.е. элементом его правоспособности), а именно имманентной чертой его правосубъектности. Однако это обстоятельство также не получило своего закрепления в уголовно-процессуальном законе, а поэтому требует включения в текст УПК РФ.

Подводя итог высказанным выше соображениям по совершенствованию правовой регламентации правосубъектности переводчика в уголовном процессе, представляется необходимым поставить

вопрос о целесообразности корректировки содержания ч. 1 ст. 59 УПК РФ, которую, на наш взгляд, следует изложить в такой редакции: «Переводчик – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое к участию в судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком судопроизводства и языком, знание которого необходимо для перевода, осуществляемого им исходя из назначения уголовного судопроизводства». Исходя из такого понимания его юридического статуса, далее мы будем характеризовать составные элементы правосубъектности переводчика – его правоспособность, дееспособность и деликтоспособность.

Под правоспособностью в теории права, как известно, понимается признаваемая государством способность участника правоотношений иметь субъективные права и нести (осуществлять) юридические обязанности. Иными словами, под правоспособностью понимается индивидуальное соответствие субъекта права каким-то нормативно определенным, а поэтому формальным критериям, устанавливающим возможность приобретения им субъективных прав и обязанностей. Поскольку правосубъектность переводчика в уголовном процессе имеет отраслевой характер, то и его правоспособность (как составная часть правосубъектности) также обуславливается спецификой задач и содержания уголовного судопроизводства или, как вариант, особым характером и содержанием уголовно-процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальный закон и известная нам отечественная судебная практика не устанавливают качественных критериев, соответствие которым субъективных черт и качеств какого-либо лица позволяло бы говорить о возможности появления у него правоспособности переводчика (единственным исключением является законодательно закрепленное в УПК РФ указание на билингвизм его кандидатуры). Поэтому мы вынуждены самостоятельно сформулировать их, опираясь на нормы международного

гуманитарного права и исходя из собственного анализа практики участия переводчиков в следственном и судебном производстве по уголовным делам.

Пункт 14d Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков устанавливает, что «переводчик должен переводить, по возможности, на свой родной язык или на язык, которым он владеет как родным». Таким образом, переводчик должен или быть одной национальности с участником судопроизводства, которому он призван оказывать лингвистическую помощь, или воспитываться с ним в одной языковой и этнокультурной среде. Только в этом случае не может возникнуть сомнений в свободном владении им языком перевода, который усваивается им с детства. Поэтому при подборе кандидатуры переводчика следователь или иные равные ему по процессуальному статусу должностные лица правоохранительных органов обязаны уделять повышенное внимание установлению национально-языковой самоидентификации кандидата на эту роль, месту его рождения, воспитания и обучения (в первую очередь – места получения общего среднего образования). Именно эти формальные признаки позволят с высокой степенью достоверности полагать наличие у него не только знания языка перевода, но и умения писать и читать на этом языке, а также устойчивых навыков общения.

Указанное выше требование международного права получило широкое отражение в практике отечественной правоохранительной деятельности, несмотря даже на то, что ни один из опрошенных нами 300 сотрудников органов предварительного следствия не знал о его существовании. Как показали результаты исследования нами 200 уголовных дел, приговоры по которым вступили в законную силу и производство по которым осуществлялось с участием переводчиков, в данном процессуальном качестве выступают две категории лиц: или этнические носители языка, являющегося родным для участника процесса, не владеющего языком судопроизводства, которые свободно говорят, читают и пишут по-русски,

или этнические русские, свободно владеющие национальным языком, общение на котором избрал соответствующий участник разбирательства. Однако последние составляют незначительное меньшинство: только в 38 случаях (или 19 %) переводчики являлись этническими русскими, во всех остальных делах в этом качестве выступали лица, имеющие одинаковую национальную принадлежность с участником разбирательства по делу, лингвистическую помощь которому в языке судопроизводства они оказывали.

Важнейшим условием и одновременно особенностью профессиональной деятельности переводчика является то обстоятельство, что исполнение переводов – это самостоятельная и творческая авторская деятельность, содержание и качество исполнения которой (т. е. аутентичность перевода) определяется единственно самим переводчиком, независимо от характера его правоотношений с заказчиком (в нашем случае – органом дознания или предварительного следствия). На этом настаивает п. 11 Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков, а также п. 2 Хартии переводчиков. Однако аутентичность перевода не означает его дословности и буквальности: перевод должен передавать точно идею и форму оригинала, что составляет «моральное и юридическое обязательство для переводчика», который «должен отказаться давать тексту интерпретацию, которую он не одобряет или которая противоречила бы обязательствам его профессии», но это не исключает возможности адаптации перевода для более глубокого понимания содержания оригинала (его «формы и атмосферы»), передаваемого на другом языке (п. 2–5 Хартии переводчиков). Таким образом, переводчик является юридически независимым и функционально самостоятельным субъектом не только уголовно-процессуальной, но и профессиональной деятельности вообще, поэтому в качестве важной характеристики его правоспособности должно рассматриваться умение передавать на языке перевода не только буквально

содержание процессуального действия или документа, но и его смысловое наполнение, излагаемое на языке оригинала, т. е. на языке судопроизводства.

Согласно п. 14b Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков и п. 7 Хартии переводчиков лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в данном процессуальном качестве, должно свободно владеть не только разговорной речью языков оригинала и перевода, но и отраслевой профессиональной лексикой, т. е. точно знать и понимать значение абсолютно всех лексических единиц (слов и словосочетаний), образующих терминологию уголовного процесса. Для этого «в распоряжение переводчика должны, по возможности, предоставляться все документы и информация, необходимые для понимания текста, подлежащего переводу, и для редактирования перевода», в противном случае он «должен воздержаться от перевода в области вне его компетентности». Поэтому при отборе кандидатуры переводчика должностные лица правоохранительных органов должны убедиться не только в факте владения потенциальным кандидатом языком судопроизводства и языком перевода, но и в степени и области этого владения.

Уголовно-процессуальный закон и отечественная судебная практика не содержат критериев оценки уровня профессиональной подготовки или лингвистической компетентности переводчика. Доктринальное толкование этого закона, коим является комментарий к нему, составленный под редакцией председателя Верховного Суда РФ Лебедева В. М., содержит только самое общее описание требований к его квалификации: «В качестве переводчика может выступать лицо, которое свободно владеет как языком судопроизводства, так и языком, которым пользуется соответствующий участник процесса, может на этих языках не только разговаривать, но и читать и писать. При этом закон не предполагает обязательного наличия у такого лица специального филологического образования и квалификации переводчика: главное, чтобы имеющиеся у него навыки позволяли

обеспечивать решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством»². Следовательно, смыслом участия переводчика в уголовном процессе является достижение не литературной, а ситуационной адекватности перевода материалов конкретного дела, исходя из задач, поставленных законом перед следственным и судебным производством. Поэтому актуальным является вопрос оценки уровня познаний потенциального переводчика именно в русском языке как языке судопроизводства, а не в языке перевода, который для него является родным или усвоенным с детских лет и владение которым обычно не вызывает сомнения.

Нормативным основанием для оценки познаний переводчика в языке судопроизводства для лиц, не являющихся этническими носителями русского языка, является Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному, утвержденный Президиумом Совета учебно-методического объединения вузов РФ по педагогическому образованию Министерства образования РФ (протокол 192/522 от 14 апреля 1998 г.)³. Этот стандарт лежит в основе Российской государственной системы тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку, а его разработчиками являются МГУ им. М. В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов, Санкт-Петербургский государственный университет и Санкт-Петербургский государственный технический университет. На основании стандарта создана Российская государственная система сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным, включающая в себя пять уровней (базовый и четыре сертификационных), которая является составной частью европейской структуры языкового тестирования ALTE. Следовательно, применение критериев Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному при определении степени

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. М. Лебедева. – М.: Спарк, 2002. – С. 46.

³ Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному: В 5-ти кн. – М.– СПб.: Златоуст, 1999.

владения лицом, привлекаемым к участию в уголовном процессе в качестве переводчика, языком судопроизводства будет соответствовать всем российским и международным правилам.

Исходя из требований указанного выше стандарта, к участию в уголовном процессе в качестве переводчика может привлекаться человек, обладающий познаниями в русском языке в объеме второго сертификационного уровня общего владения, который позволяет иностранцу (или любому иному человеку, не являющемуся этническим носителем русского языка) «вести профессиональную деятельность на русском языке в качестве специалиста гуманитарного, инженерно-технического, естественнонаучного профилей»⁴. Согласно букве стандарта, «при решении определенных коммуникативных задач иностранец должен уметь вербально реализовывать не только простые, но и сложные интенции, а также блоки речевых интенций, которые моделируют собственно коммуникативный процесс» (т. е. в устной и письменной речи в соответствии с местом и ситуацией, социальным статусом собеседников, нормами этикета соблюдать общественно значимые правила общения):

– контактоустанавливающие: «вступать в коммуникацию, инициировать беседу, поддерживать беседу, менять тему (направление) беседы, завершать беседу адекватно ситуации общения, приветствовать, привлекать внимание, представляться, представлять кого-либо, прощаться в соответствии с социальными ролями собеседников, благодарить, извиняться, поздравлять, соболезновать, желать удачи, приглашать»;

– регулирующие: «побуждать собеседника к совершению действия: выражать просьбу, совет, предложение, пожелание, требование, приказ, указание; реагировать на побуждение: выражать согласие (несогласие), разрешать, запрещать, возражать, сомневаться, обещать, заверять, давать гарантии, обнадеживать»;

⁴ Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному: Второй уровень. Общее владение. – М.– СПб.: Златоуст, 1999. – С. 4.

– информативные: «запрашивать о событиях и фактах, об условиях, целях, причинах, следствиях, о возможности, вероятности, необходимости, а также дополнять, выяснять, уточнять, расспрашивать, объяснять и др.»;

– оценочные: «выражать и выяснять интеллектуальное отношение: высказывать желание, потребность, намерение, предпочтение, мнение, предложение, осведомленность; выражать и выяснять морально-этическую оценку: одобрять, хвалить, упрекать, осуждать, порицать; выражать и выявлять социально-правовую оценку: оправдывать, защищать, обвинять; выражать и выявлять рациональную оценку: сравнивать с нормой, стандартом, оценивать целесообразность, эффективность, возможность (невозможность), истинность, вероятность и др.; выражать и выявлять эмоциональную оценку: высказывать предпочтение, удовольствие (неудовольствие, удивление, любопытство, равнодушие, восхищение, разочарование, раздражение, заинтересованность, страх, обеспокоенность, опасение, надежду».

Кроме того, при аудировании (т. е. восприятии на слух) он должен понимать «содержание законченного по смыслу текста», «достигать необходимых уровней понимания в различных сферах и ситуациях общения в соответствии с заданными параметрами социальных и поведенческих характеристик общения» (т. е. как участник уголовного процесса уметь эмоционально воздействовать на своего собеседника с целью получения от него информации), «понимать основные цели и мотивы говорящего, характер его отношения к предмету и реципиенту» (т. е. источнику информации), «понимать основные социально-поведенческие характеристики говорящего».

В вербальном общении (т. е. при говорении) переводчик также должен уметь «организовывать речь в форме диалога, диалога-расспроса, используя развитую тактику речевого общения (начинать и заканчивать разговор в ситуациях различной степени сложности, вербально выражать коммуникативную задачу, уточнять детали сообщения собеседника)», формулировать высказывания, «содержащие описание конкретных и

абстрактных объектов, повествование об актуальных для говорящего событиях, рассуждения на актуальные для говорящего темы, содержащие выражение мнения, аргументацию, выводы».

При чтении и письменном переводе текста переводчик должен уметь «извлекать фактическую информацию, выделять основную и второстепенную информацию», «создавать письменный текст, относящийся к официально-деловой сфере общения», «осуществлять дистантное (т.е. на расстоянии) письменное общение, вести записи на основании увиденного и прочитанного с элементами количественной и качественной характеристики».

Особое внимание при этом следует обратить на его умение осуществлять дословный письменный перевод текста (в контексте его информативной содержательности и насыщенности) на язык, являющийся родным для участника процесса. Это условие проистекает из требования уголовно-процессуального закона (ч. 3 ст. 18 УПК РФ) о том, что все следственные и судебные решения (например, обвинительное заключение, приговор и т.д.) и иные документы (протокол обыска, подписка о невыезде и надлежащем поведении и т.д.), подлежащие обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и другим участникам процесса, должны изготавливаться не только на языке, на котором ведется судопроизводство по уголовному делу, но и на языке, которым владеет соответствующий участник процесса.

Как показал проведенный нами опрос 300 сотрудников органов предварительного расследования, абсолютно все из них (100 %) не имеют никакого представления о существовании нормативных предписаний в сфере оценки лингвистической компетентности переводчиков из числа лиц, не являющихся этническими носителями русского языка (они, собственно, и не обязаны их иметь, поскольку эти познания не имеют прямого отношения к организации уголовного преследования и осуществлению правосудия). Но даже при обладании такой информацией в условиях отсутствия доступной

методики проведения оценки лингвистических познаний лица, привлекаемого в качестве переводчика, они самостоятельно все равно не смогли бы ее реализовать в своей практической деятельности, поскольку квалификационная оценка лингвистических познаний согласно предписаниям указанного выше Государственного образовательного стандарта осуществляется экспертной комиссией в составе не менее двух языковедов-профессионалов. Поскольку сотрудники правоохранительных органов объективно не в состоянии самостоятельно проверить уровень лингвистической компетентности переводчика, поэтому им будет более приемлемо ориентироваться на некоторые социальные характеристики его личности, отражающие с высокой степенью достоверности наличие у него достаточной языковой подготовки. Для этого представляется необходимым сформулировать некоторые формальные критерии, применение которых в правоохранительной деятельности будет гарантировать наличие высокого уровня познаний в русском языке и в языке перевода у человека, привлекаемого к участию в уголовном процессе в качестве переводчика. Эти критерии, на наш взгляд, должны иметь не только объективный (т. е. документально подтвержденный), но и субъективный (т. е. личностно ориентированный) характер. Как представляется, наиболее существенными среди них могут быть:

– обязательное наличие высшего профессионального образования, полученного в вузах Российской Федерации или на русском языке в одном из вузов бывших союзных республик СССР до 1991 года, как гарантии обладания лицом, привлекаемым в качестве переводчика, теоретическими познаниями в русском языке;

– проживание на территории России не менее 10 лет или наличие в семье близких родственников, считающих русский язык своим родным, т. е. не только свободно говорящих, но и думающих по-русски, как основание полагать возможность у него долговременной и активной практики общения на русском языке;

– обязательное наличие опыта государственной или публичной – общественной, политической, профсоюзной, педагогической – или иной социально ориентированной деятельности на территории Российской Федерации и, как следствие, умений и навыков работы с людьми, связанных с практическим использованием русского языка, как гарантия наличия у переводчика глубоких познаний не только в его бытовой, но и профессиональной лексике.

Предложенные реперы (факторы) оценки лингвистической компетентности переводчика через совокупность его социальных характеристик позволяют, на наш взгляд, значительно более объективно оценить его профессиональные познания, чем метод Ширванова А. А., в основу которого он, фактически, положил удобство должностного лица, производящего предварительное расследование, при совершении им действия с участием переводчика. Он пишет: «По нашему мнению, речь должна идти об обеспечении устной речи без словаря с точностью и полнотой, которые не должны задерживать или осложнять проведение следственного действия»⁵. Как представляется, такой подход не может быть признан справедливым по, как минимум, двум причинам. Во-первых, многие языки народов России, ближнего и дальнего зарубежья, не обладающие статусом государственных или официальных в ареале своего традиционного употребления, не обладают достаточной лексической развитостью, т. е. не имеют в своем словарном запасе понятий и терминов русского языка, употребляемых в правоохранительной деятельности, а поэтому переводчик очень часто вынужден не только осуществлять перевод содержания процессуального действия, но и разъяснять их смысловое наполнение. Во-вторых, дознаватель или следователь не всегда корректно с позиции национального менталитета участника разбирательства по делу, не владеющего языком судопроизводства, формулируют вопросы или ставят

⁵ Ширванов А. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание возвращения дел для дополнительного расследования. – Тула: Гриф, 1999. – С. 119–120.

перед таким участником следственные задачи, а поэтому переводчик вынужден адаптировать их форму с учетом наиболее адекватного восприятия. Как показал проведенный нами опрос 30 переводчиков, регулярно оказывающих содействие правоохранительным органам, все они сталкиваются с проблемой лексической несовместимости русского языка как языка судопроизводства и национальных языков участников судопроизводства как языков переводов. Таким образом, оценку компетентности переводчика не следует ставить в зависимость только от интересов стороны обвинения: при его отборе, на наш взгляд, в первую очередь должна оцениваться его субъективная социально ориентированная способность максимально точно и полно выполнить перевод, учитывая интересы лица, лингвистические услуги которому он призван оказывать. Следовательно, во главу угла должны быть поставлены не интересы стороны обвинения или стороны защиты, а интересы правосудия в целом, которое должно осуществляться, в первую очередь, исходя из принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ).

Резюмируя сказанное выше, мы можем выделить качественные характеристики правоспособности переводчика в уголовном процессе, к числу которых, на наш взгляд, относятся:

– одинаковая этническая принадлежность с лицом, которому он назначен оказывать помощь в языке судопроизводства, выраженная в форме добровольной национально-языковой самоидентификации;

– воспитание или получение общего среднего образования в одной с участником процесса, не владеющим языком судопроизводства, этнолингвистической среде (проживание в детстве в местности, где язык перевода является основным языком повседневного общения и, желательно, обучения);

– наличие высшего профессионального образования, полученного в Российской Федерации или на русском языке в одной из республик бывшего Союза ССР (до 1991 г.);

– постоянное проживание на территории России в течение значительного периода времени (желательно, более 10 лет) и наличие опыта публичной или социально ориентированной профессиональной деятельности.

Вторым базовым элементом правосубъектности является дееспособность, под которой в отечественной теории права традиционно понимается признаваемая государством способность субъекта лично совершать юридические действия, т.е. способность лично своими действиями вступать в правоотношения, осуществлять юридические права и исполнять юридические обязанности.

Участие переводчика в судопроизводстве согласно букве уголовно-процессуального закона не ограничивается полом, возрастом, национальной принадлежностью, гражданством, наличием специального образования и иными частными характеристиками. Таким образом, по отношению к нему должны применяться самые общие критерии дееспособности: достижение им возраста 18 лет и отсутствие социально-медицинских оснований (психической или иной болезни, стойкой алкогольной или наркотической зависимости и др.) для ее ограничения по суду. Следовательно, указанные выше параметры дееспособности переводчика являются общеправовыми и не зависят от специальных положений уголовно-процессуального закона, т.к. институт языка судопроизводства является универсальным и относится ко всей правовой системе, а в УПК РФ получает только детализацию и конкретизацию в виде принципа применительно к отраслевой специализации этого закона. Тем не менее, в отечественной юридической литературе неоднократно предпринимались попытки внести ситуационные коррективы в критерии дееспособности переводчика: например, предлагалось «в порядке исключения» использовать в данном процессуальном качестве лиц в возрасте от 16 до 18 лет⁶, а также ограничивать по половому признаку участие

⁶ См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. – С. 268; Саркисянц Г. П. Переводчик в советском уголовном процессе. – Ташкент: Фан, 1974. – С.

переводчика в расследовании отдельных видов преступлений (в частности, исключать участие мужчин-переводчиков в расследовании преступлений сексуального характера в отношении женщин)⁷.

По нашему мнению, вопрос о возможности эмансипации кандидата на процессуальную роль переводчика не может быть признан правомерным ни при каких обстоятельствах или условиях по следующей причине: как уже было сказано выше, в своей процессуальной деятельности переводчик реализует среди прочих и функцию правосудия, которая неразрывно связана с его гражданской дееспособностью, т.е. с возникновением у него политических прав гражданина России, которые, как известно, возникают по общему правилу с 18-летнего возраста (ст. 60 Конституции РФ). Именно поэтому привлечение к участию в судопроизводстве в качестве переводчика лиц моложе возраста полной дееспособности станет нарушением не просто уголовно-процессуального, а конституционного закона.

Не может, на наш взгляд, положительно быть решен вопрос и о гендерном соответствии или однополости переводчика и субъекта процессуальных правоотношений, которому он назначен оказывать лингвистическую помощь. Согласно ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, устанавливающей принцип формально-правового равенства граждан России, все жители нашей страны равны перед законом и судом, а поэтому обладают равными правами и обязанностями и наделяются, по общему правилу, одинаковой ответственностью. Поэтому ограничение по субъективным признакам возможности индивида реализовать свои права или исполнить обязанности (в том числе посредством реализации функций переводчика в уголовном процессе) не может быть признано обоснованным и законным,

84; Щерба С. П., Марков А. Я., Стеснова Т. И. Участие переводчика на предварительном следствии и дознании. – М.: ВНИИ МВД России, 1993 – С. 21; Кузьмина С. С. Национальный язык судопроизводства. Правовое положение переводчика в уголовном процессе: Конспект лекции. – СПб.: ИПК прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры РФ, 1996. – С. 12.

⁷ Джафаркулиев М. А. Язык судопроизводства в многонациональном государстве. – С. 111.

хотя в некоторой степени, и с этим следует честно согласиться, участие мужчины-переводчика в следственных действиях при расследовании сексуальных преступлений в отношении женщины с этической точки зрения может быть не вполне корректным.

Содержание дееспособности переводчика в следственном и судебном производстве весьма подробно регламентировано совокупностью обязывающих, уполномочивающих и запрещающих норм уголовно-процессуального закона. Принятие в 2001 году УПК РФ в вопросах законодательного закрепления дееспособности переводчика является значительным шагом вперед по сравнению с ранее действовавшими нормами УПК РСФСР 1960 года. Впервые в отечественном уголовно-процессуальном законе (ч. 3 ст. 59 УПК РФ) были закреплены полномочия переводчика, который в рамках осуществления любого процессуального действия вправе:

- задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода;

- знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он принимает участие, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности перевода, подлежащие занесению в протокол;

- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Однако этим перечислением набор процессуальных прав переводчика не может быть исчерпан. Дополнительно к ним должны быть причислены следующие права:

- знать свои права и обязанности (ч. 1 ст. 11 УПК РФ);

- уклониться от участия в деле (заявить самоотвод) при наличии к тому субъективных оснований (ч. 1 ст. 62 УПК РФ);

- требовать дополнения протоколов следственных действий, произведенных с его участием, и внесения в них поправок (п. 6 ст. 166 УПК РФ);

– удостоверить правильность записи сделанных им переводов показаний и всего содержания протокола следственного действия, в проведении которого он принимал участие (п. 7 ст. 166 УПК РФ);

– получать возмещение понесенных расходов по явке для участия в совершении следственного действия (п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ);

– получать вознаграждение за сделанный перевод из средств федерального бюджета лично за исключением случаев исполнения обязанностей переводчика в порядке служебного задания (п. 4 ч. 2 ст. 131, п. 3 ст. 132 УПК РФ).

Дополнительный перечень его профессиональных прав содержится также в Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков, среди которых применительно к теме нашего исследования следует назвать права:

– заключать письменное соглашение (договор) с пользователем перевода, т.е. органом дознания или предварительного следствия, а также судом (п. 4);

– получать справедливое вознаграждение, независимо от его юридического статуса (п. 5a);

– получать аванс, который не подлежит возвращению ни при каких обстоятельствах, а также гонорар, выплачиваемый аккордно, т.е. частями по мере выполнения им перевода (п. 5b);

– запрещать пользователю внесение в текст перевода произвольных изменений и дополнений без наличия на то его согласия (п. 5g);

– определять (по согласованию с пользователем) достаточный срок для выполнения работы, исходя из норм выработки, устанавливаемых соглашением сторон (п. 14a);

– получать в распоряжение все документы и информацию, необходимые для понимания текста, подлежащего переводу, и редактирования перевода (п. 14b);

– получать оригинальные тексты документов, подлежащих переводу (п. 14c).

Помимо перечисленных выше уполномочивающих норм УПК РФ содержит и запрещающие нормы, которые регламентируют дееспособность переводчика, точнее, ее составную часть, как юридическую обязанность сознательно воздержаться от совершения нормативно закрепленных (предписанных) действий. Согласно п. 4 ст. 59 УПК РФ переводчик не вправе:

– осуществлять заведомо неправильный перевод;

– разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ;

– уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или в суд.

Нормы международного гуманитарного права более жестко в сравнении с положениями уголовно-процессуального закона России регламентируют невозможность для переводчика использовать информацию, ставшую ему известной в результате исполнения им обязанностей в рамках его профессиональной деятельности: в частности, согласно п. 5f Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков он в принципе не имеет права использовать в собственных интересах или в интересах третьих лиц любую информацию, ставшую ему известной в процессе или в результате осуществления перевода, которая во всех случаях рассматривается как «профессиональная тайна» – служебная или коммерческая, а ее разглашение считается недопустимым и несовместимым с этикой и юридическими основами переводческой деятельности.

Уголовно-процессуальный закон предполагает также наличие обязывающих норм, регламентирующих дееспособность переводчика, хотя и

не закрепляет их текстуально. Они проистекают из смысла, а не буквы закона и формально носят умозрительный характер, но это обстоятельство не исключает их наличия. В частности, обязывающие нормы, характеризующие дееспособность переводчика в рамках разбирательства по конкретному делу, могут содержаться в договоре между ним и правоохранительным органом, производящим расследование по делу (в этом случае они будут являться логическим продолжением запрещающих норм). На наш взгляд, к их числу относятся обязанность переводчика сознательно совершить, как минимум, два позитивных действия:

- по вызову явиться в орган дознания или следствия, а также в суд;
- выполнить точно и полно порученный ему перевод.

Появление в тексте уголовно-процессуального закона отдельного перечня юридически значимых действий, которые переводчик вправе совершать лично в силу своего процессуального статуса, требует, на наш взгляд, сделать специальный акцент на разграничении содержания его дееспособности и компетенции. Под компетенцией мы понимаем регламентированную законом способность переводчика принимать участие в конкретных процессуальных действиях в рамках всего разбирательства по делу, тогда как дееспособность предусматривает, применительно к теме нашего исследования, его универсальные действия в рамках единичного эпизода предварительного расследования. Таким образом, дееспособность определяет процессуальный статус переводчика (в совокупности с прочими элементами его правосубъектности), тогда как компетенция – его функциональные возможности и полномочия в рамках производства по конкретному делу, но не в системе уголовно-процессуальных правоотношений в целом.

Завершая рассмотрение дееспособности переводчика в уголовном процессе, следует сказать о том, что содержание этого элемента его правосубъектности является прямым следствием его статуса как субъекта этой отрасли права. Наличие специфических прав, качественно выделяющих

его среди прочих участников уголовного судопроизводства, еще раз свидетельствует в пользу нашего утверждения о том, что переводчик является не просто процессуально самостоятельным, но и самодостаточным участником разбирательства по делу, и его правовой статус зависит не от обстоятельств дела, а исключительно от предписаний закона. Такое положение дел в немалой степени объясняется еще и тем, что переводчик является не только процессуально, но и профессионально независимым участником судопроизводства, исполняющим свои обязанности исходя из собственного понимания адекватности – точности, полноты и аутентичности – перевода, а поэтому в основе его деятельности помимо предписания закона лежит также внутреннее убеждение в правомерности и правильности отображения им смысла и содержания текста оригинала, переданного им на языке перевода.

Юридические конструкции норм ст. 59 УПК РФ прямо не указывают на наличие у переводчика процессуальных обязанностей (при закреплении обязывающих и запрещающих норм законодатель использует формулировку «не вправе»), а поэтому они возникают у него не вследствие прямого действия нормы уголовно-процессуального закона, а опосредованно в результате приобретения им прав или, как вариант, процессуального статуса. Такое положение дел, на наш взгляд, объясняется тем, что УПК РФ относит переводчика к «иным участникам судопроизводства», присутствие которых в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу обуславливается спецификой индивидуальных черт его субъектов. Поэтому переводчик не участвует непосредственно в решении задач, стоящих перед следственным и судебным производством, он лишь содействует обеспечению законности и соблюдению конституционных прав отдельной категории лиц, вовлекаемых в уголовный процесс. В силу этого обстоятельства его дееспособность имеет общегражданский характер и определяется исходя из норм конституционного, а не процессуального права.

Третьим элементом правосубъектности является его деликтоспособность – признаваемая государством способность нести юридическую ответственность⁸. Некоторые отечественные теоретики права (например, Спиридонов Л. И.) считают, что для большинства субъектов правоотношений выделение деликтоспособности лишено смысла в силу следующей причины: если дееспособность означает способность своими действиями приобретать права и обязанности, а юридическая ответственность является разновидностью последних, то дееспособность включает в себя и деликтоспособность⁹. Не вдаваясь в обсуждение дискуссионных вопросов теории права, укажем, что, на наш взгляд, согласно УПК РФ переводчику присуща законодательно предписанная обязанность понести вмененную ответственность за умышленное нарушение его запрещающих предписаний, т. е. деликтоспособность, проистекающая не из факта его действий, а из императивного запрещения их осуществления. В соответствии с п. 5 ст. 59 УПК РФ переводчик за заведомо ложный перевод и разглашение данных предварительного расследования несет ответственность в соответствии с ст. 307 и 310 УК РФ. Таким образом, деликтоспособность переводчика в уголовном процессе определяется, как минимум, двумя обстоятельствами: с одной стороны, она имеет императивный и нормативно вмененный характер, связанный не с осуществленными им действиями, а с его процессуальным статусом; с другой стороны, определение его юридической ответственности и условий ее возникновения лежит вне плоскости уголовно-процессуального закона и регламентируется нормами уголовного законодательства. Поэтому деликтоспособность в нашем случае не может и не должна рассматриваться только как составная часть дееспособности переводчика, поскольку она находится в плоскости не общеправового, а отраслевого регулирования уголовно-процессуального

⁸ Черданцов А. Ф. Теория государства и права. – С. 292.

⁹ Спиридонов Л. И. Теория государства и права. – С. 186–187.

закона (с соответствующими отсылками к нормам уголовного законодательства).

Деликтоспособность переводчика не ограничивается одной возможностью применения к нему мер уголовной репрессии вследствие нарушения им предписаний закона. Также к нему в соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РФ могут быть применены меры процессуального принуждения – обязательство о явке, привод и денежное взыскание, которые по своей правовой природе являются мерами административной ответственности. Основанием для применения данным мер может быть исключительно уклонение переводчика от исполнения принятых на себя обязательств в рамках участия в процедурах судопроизводства (например, неисполнение в заранее оговоренный срок перевода процессуального документа на родной язык участника процесса, не владеющего языком судопроизводства), а поэтому эти меры своей задачей имеют не наказание, а принуждение к исполнению обязательств. Они призваны не допустить нарушения уголовно-процессуальных норм, поставить соответствующее лицо в такие условия, которые бы исключили возможность иного, кроме правомерного, поведения¹⁰. Следовательно, меры процессуального принуждения имеют целью, прежде всего, обеспечение законности процессуальных действий и процедур, и только затем – наступление ответственности как средства понуждения к добросовестному исполнению принятых на себя обязанностей, возникших вследствие согласия на приобретение соответствующего статуса. Таким образом, законодательно установленная возможность применения к личности переводчика мер процессуального принуждения является составной частью его деликтоспособности как субъекта уголовно-процессуального правоотношений, хотя имеет иную по сравнению с уголовным наказанием юридическую природу.

¹⁰ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – С. 321.

Однако указанными выше мерами ответственности деликтоспособность переводчика в уголовном процессе не ограничивается. Он обязан понести ответственность не только за нарушения уголовно-процессуального закона, но и, как это установлено нормами международного гуманитарного права, за любое неправомерное использование информации, ставшей ему известной вследствие оказания услуг по лингвистическому переводу (п. 5f Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков). В частности, в соответствии со ст. 13.11 КоАП РФ за нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (например, за распространение информации о наличии у человека судимости) помимо предупреждения переводчик как личность может быть подвергнут административному штрафу в размере от 3 до 5 минимальных размеров оплаты труда, а как должностное лицо (при исполнении процессуальных обязанностей в порядке служебного задания) – от 5 до 10 минимальных размеров оплаты труда. Кроме того, в порядке частного обвинения он может быть привлечен к уголовной ответственности за оскорбление (ст. 129 УК РФ) и клевету (ст. 130 УК РФ), а также к гражданско-правовой ответственности (в том числе и в форме гражданского иска в уголовном процессе) согласно ст. 152 ГК РФ (например, в случае обнародования после завершения расследования информации о предъявленном, но недоказанном обвинении). При этом он может быть привлечен к ответственности не как частное лицо, нанесшее ущерб нематериальным благам другого частного лица, а именно как субъект уголовно-процессуальных отношений, нарушивший предписания закона. Таким образом, процессуальный статус переводчика предусматривает установление для него специальной деликтоспособности, которая не встречается в структуре правосубъектности иных субъектов уголовного судопроизводства.

Завершая рассмотрение вопроса деликтоспособности переводчика в уголовном процессе, отметим, что ее специальный характер является результатом особенности правового статуса этого субъекта следственного и судебного производства, установленного совокупностью норм не только уголовно-процессуального законодательства России, но и международного гуманитарного права. Возможность возникновения обязанности претерпеть неблагоприятные последствия является для него результатом нарушения норм не только процессуальной деятельности, но и профессиональной этики, которая применительно к теме нашего исследования может рассматриваться как источник его правового статуса. Поэтому мы можем говорить об особом характере правосубъектности переводчика в целом.

Итак, во-первых, переводчик является процессуально и профессионально самостоятельным и, следовательно, самостоятельным участником уголовного судопроизводства, источниками правосубъектности которого помимо предписаний уголовно-процессуального закона являются нормы международного гуманитарного права и корпоративные правила профессиональной этики. Именно поэтому он исполняет свои обязанности в рамках судопроизводства, опираясь только на предписания закона и в соответствии со своим внутренним убеждением, которое является, по сути, единственным критерием оценки объективности, полноты и аутентичности (в совокупности – адекватности) исполненного им перевода материалов дела и процессуальных документов.

Во-вторых, отличительной чертой правосубъектности переводчика является билингвизм его личности, т. е. свободное владение языком судопроизводства и языком перевода, на которых он умеет не только говорить, но и читать и писать. Кроме того, переводчик для участия в уголовном судопроизводстве должен обладать не только одними лингвистическими познаниями, но и быть информированным в вопросах организации правоохранительной деятельности и правосудия с тем, чтобы иметь возможность адекватно осуществлять перевод документов и

материалов не только с точки зрения их формы или общего смысла, но и исходя из их ситуационного содержания и процессуального назначения, установленного законодательно. Качественными признаками наличия познаний и навыков одновременного владения этими двумя языками могут выступать социометрические характеристики его личности: национальная идентичность (или, как вариант, этнокультурная самоидентификация), место рождения и получения образования, среда воспитания, а также срок проживания на территории России, опыт публичной деятельности (в этом случае субъективные черты личности кандидата играют роль объективных характеристик, позволяющих с высокой степенью достоверности полагать наличие у него необходимых знаний и навыков, достаточных для участия в следственном и судебном производстве в качестве переводчика).

В-третьих, с точки зрения уголовно-процессуального закона участие переводчика в судопроизводстве не ограничивается полом, возрастом, национальной принадлежностью, вероисповеданием и прочими частными характеристиками, а поэтому к нему должны применяться самые общие критерии гражданской дееспособности – достижение возраста 18 лет и отсутствие ее ограничения по суду, которые, однако, не могут быть изменены в угоду сиюминутным потребностям производства по делу, т.к. участие переводчика в уголовном процессе призвано обеспечивать соблюдение прав и законных интересов человека при отправлении правосудия, что опосредованно является формой реализации политических прав гражданина России.

В-четвертых, переводчик является участником уголовного судопроизводства, который в силу специфики своего процессуального статуса и содержания деятельности при осуществлении процедур правосудия способен оказать непосредственное влияние на результаты разбирательства по делу, а поэтому его беспристрастность (наряду с компетентностью) должна рассматриваться как имманентная черта его правосубъектности, которая обязана получить непосредственное законодательное закрепление.

Только в этом случае, на наш взгляд, он будет юридически наделен не только способностью, но и возможностью осуществлять перевод материалов и документов уголовного дела, исходя из внутреннего убеждения в правильности результата своих действий (этим, в том числе, будет гарантироваться его процессуальная независимость). Однако беспристрастность переводчика не должна ограничиваться рамками производства по делу и может сохраняться после его завершения в форме обязанности воздержаться от разглашения или использования в личных целях или интересах третьих лиц любой информации, ставшей ему известной во время участия в процессе.

И последнее: все выявленные нами качественные характеристики правосубъектности переводчика должны получить свое отображение и нормативное закрепление в тексте уголовно-процессуального закона в виде новой редакции ч. 1 ст. 59 УПК РФ, которая, по нашему мнению, может выглядеть так: «Переводчик – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое к участию в судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком судопроизводства и языком, знание которого необходимо для перевода, осуществляемого им исходя из назначения уголовного судопроизводства».